

М.б. Россия, 1979, 9 февр

Крестный путь СТЕПАНА РАЗИНА

ИСКУССТВУ дан язык, которым, по выражению Энгельса, оно способно рассказать больше, чем рассказуют экономисты, профессиональные летописцы или другие специалисты по части изучения истории. Отнюдь не всегда искусство пользуется этой своей неоценимой привилегией и не всегда выдерживает соперничество с фактами. Но тем не менее настоящие одержанные победы над забвением и молчанием прошедшего подтверждают его чудесное свойство.

Нам был дорог одаренный чувством ненаряженной жизненной правды писатель Василий Шукшин, и мы бережем и ценим каждое его, даже не самое отточенное слово. Как немногие, Шукшин заставлял нас остановиться над его странностями и увидеть иной раз знакомое и ясное в новом свете.

Так, кажется, нам известна жизнь Степана Разина и история поднятого им повстанческого движения казацкой вольницы, но немало и утопила в своих водах река, которую греки называли Летою, и, верно, именно то важнейшее, что содержит душа человека — человека, всегда единственного в своем роде, только этого, ни на кого другого не похожего. Может быть, потому, что эпоха Степана Разина еще не умела глубоко осмысливать суть человеческих деяний.

Василий Шукшин, современный режиссер, актер и писатель, решил на великий шаг. Он захотел принудить вечность вернуть нам личный мир Степана Разина, лаконичности факта противопоставить мысль художника. Он назвал роман о Степане Разине так, что в самой озаглавившей его фразе уже угадывается, что открылось писателю: «Я пришел дать вам волю» — в этом названии как будто слышен голос самого Разина. Название собирает, сосредоточивает, подводит внимание к главному, а весь его смысл не лежит на поверхности.

И хотя спектаклю, поставленному вахтанговцами по инсценировке М. Ульянова и А. Ремеза, дано иное название — «Степан Разин», в нем главное может быть высказано фразой: «Я пришел дать вам волю».

Не могу не сказать, что режиссуре удалось извлечь очень большой, если не весь потенциал содержания романа, порой с не меньшей эффективностью, чем это удается при чтении. Михаил Ульянов с молодым режиссером-дебютантом Г. Черняховским,

которого он пригласил в соопановщики, подняли глубокий слой народной трагедии.

Режиссеры сделали многое для того, чтобы театральное действие было насыщено живым ощущением страдания и протеста, чтобы его формировали не готовые исторические выкладки и схемы, а эмоции и страсти далекой от нас эпохи младенчества русского общества. И в спектакле, названном трагическим сказом, порой действительно дышит и народная сила, и мужество вперемежку с болью, тревогой и сомнениями, с которыми идут к своей цели герои Шукшина. Идея монументальна, и режиссура возвела спектакль крупного, широкого, монументально-былиного стиля.

Степан Разин, наделенный особым — Ульянову свойственным — народным, земным и возвышенным лиризмом, предстал сразу как личность, страдающая за несовершенство устройства жизни на Руси. Уже с той минуты, как Степан залкал, увидя изуродованного Семку-скомороха, актер подчинил зал своей способностью страдания за всех униженных, растоптанных и бесправных. Эта тема над всем возобладала и все собой окрасила.

Тема освобождения народа, закрепощенного, ограбленного, загнанного и обманутого, — то есть цель трагической жизни Степана Разина, — подняла за собой много острых социальных, нравственных и моральных тем. И вопрос о смысле жизни человека, о цене его существования, его страданий и смерти наполнил сложную цепь сцен спектакля.

Актеры этого спектакля, не раз уже игравшие в большинстве своем с Ульяновым, нашли и здесь единую тональность. «Прочитать», однако, всю глубину спектакля невозможно, не разглядев тщательно подобранную типажную галерею скоморохов и есаулов Степана Разина, выразительную и детально осмысленную пластику их сцен (именно так и определена театром артистичная работа Мариса Лиелы): не откроется главное в этом спектакле и если не вникнешь в прекрасно написанные и исполненные скоморошьи песенки В. Гаврилина. Здесь тоже в каждом элементе — драма

Степана Разина, как есть она и — отраженно, конечно, — в воссоздании реалий старинной Руси, в тоне красок, которые нашел для места и характера событий И. Сумбаташвили. Это явно спектакль глубокого, острого переживания материала истории и романа — в художественном и личном плане. Прожитое, прошедшее через душу и совесть художника дает о себе знать на сцене всегда. Так хотя в спектакле есть в общем принятые и известные театральные обороты и приемы, хотя скоморохов, здесь увиденных, мы тоже не раз встречали на наших сценах — при всем этом есть и отличие. Здесь не скоровано искусственной формой живое переживание глубокой народной драмы, оно не потонуло в стилизованной аббревиатуре, которая порой оказывается лишь частной режиссерской тенденцией. Это особенное, неповторимое спектакль «Степан Разин», которую нельзя не ощущать с первых же сцен.

Нет в спектакле поправок на историю, хотя нет и пассивного следования букве: на всем заметен отпечаток той широты таланта, которая иначе, чем эпитетом «демократическая», не определяется. Думаю, что это свойство мышления Ульянова, оттого ему так и даются народные типы жизни, люди народа, печаль и свет их жизни, широта конфликтов.

Главное, что актер этот со своей зоркостью увидел в истории Разина, есть психология добра и ее столкновение с дьявольским извне — мощно сплоченным злом. Спектакль воссоздал тот образ российской тьмы, когда человек начинал постигать самого себя, начинал только применять свои творческие силы и вместе с этим определял свое место между добром и злом, волей и насильем, свое право влияния на силы светлые и темные. Если Степан Разин Ульянова сразу знал, что нужно выбирать, то не сразу он познал, как идти по избранному пути. И весь спектакль — это крестный путь Степана Разина к брезжущей в дали крутых дорог звезде его человеческого призвания.

Добро и воля для Степана — неразделимые начала. Добиться же их победы над злом без на-

Степан Разин — Михаил
Ульянов.
Фото М. ЧЕРНОВА

силы невозможно, а в насилии таится смерть. Как решить, развязать этот узел? Как не сесть самому зло вокруг себя? Ответ Степан найдет в свой смертный час.

Рядом с Разиным Ульянов я особенно отмечаю Матвея Е. Карельских; этот актер нравственной темы уже не впервые составляет с Ульяновым контрастно-созвучную пару неразрывных начал психологии человека. Его Матвей, этот мужичий, крестьянский апостол — так он играет в спектакле, — несет идею разумной борьбы, разумных действий в борьбе, идею, которая должна помочь Степану найти путь к спасительной цели. Многие в отношениях этих двух фигур идет от глубоких традиций русской классической литературы. Многие заставляет остро принимать этот конфликт — разве не трагична в настоящем смысле сцена смерти, которую с мужеством приемлет тихий Матвей? Сцена, отразившая влияние классики, у которой, безусловно, учился Вас. Шукшин.

Во всех фигурах спектакля смело, ярко смешан с реалистическими тонами русский былинный колорит. Не говорю уже о скоморохах, которые остаются в памяти наряду с главными героями «Степана Разина». Этих скоморохов играют А. Кузнецов, В. Зозулин, М. Воронцов, В. Вихров, М. Васюков и другие. Непрост и рисунку А. Парфаньяк, играющей Алёну. Она то наивная, глупенькая, то ясная, строгая, как мудрая жена, говорящая усталому путнику: «Засни, утро вечера мудренее». Но все не наступает утро, и длится ночь с набегам и битвами, потерями друзей, с человеческими страда-

ниями, которые Степан сам — как по близким своим — оплакивает. Так он плачет вместе с немой Семкой, так он теряет сознание, вспоминая своего повешенного на площади брата. Смешаны в есаулах и казаках Разина — их играют очень хорошо А. Галевский, А. Ярославцев, В. Коваль, О. Форостенко, М. Дядко и А. Жеребцов — и преданность, и удаля, и слепая жестокость. А какая горестная, щемящая жалоба звучит в голосе Л. Пашковой, когда на сцену выходит ее седоволосая Кликуша с молодыми глазами, что-то таящая, несущая какую-то беду и исчезающая в ночной тьме! Русь, забитая, затоптанная, по дорогам маюющаяся и бога ищущая, то глумливая, то святая, идет рядом со Степаном. Она и в скоморохах с их отчаянными, предупреждающими о несчастье песнями, и в детской вере безногого Алешки-иконописца (В. Иванов) в своего сурового Христа. Многолинейно решается действие.

«Степан Разин» в самом деле по жанру необычен, и точнее было бы определить этот спектакль как действие или действо народное.

Не самый мятеж, а история того, как поднимался на восстание русский мужик, как он искал, осознав свою ответственность, формы этого восстания, — вот что делает спектакль интересным. И в выражении социальной субстанции бунтующей души — пик «Степана Разина». Мы поднимаемся к нему в финале, слушая, как ответил Степан Разин на вопрос о том, чего он добился своим восстанием.

Замечательна эта сцена, когда израненный, одинокий, пораженный в борьбе Степан Разин поднят на столб, прикручен к нему цепями и его спрашивают: что же он сделал, где воля — им обещанная воля? Со всей своей удивительной душевной простотой отвечает ульяновский Разин: он дал волю сознанию человека, потому что разбудил в нем чувство свободы! Да, этот распятый на столбе воин, этот донской казак, не пожелавший признать законом неравную жизнь и смириться перед ней, Мятежник, умирающий в беде, заронил в жизнь идею воли: через века даст она могучие всходы. Умирая, Разин открывает это как свое великое жизненное назначение. И эта последняя мысль спектакля не исчезает с его завершением, она остается в памяти, продлевая художественное воздействие яркой работы вахтанговцев.

Нина ВЕЛЕХОВА